

РЕПЕРТУАР И РЕЖИССУРА — ВОТ В ЧЕМ

ВОПРОС

Когда разговор заходит о плохой посещаемости театров, некоторые театральные деятели начинают искать оправдательные причины: город становится нетеатральным, зритель — неподготовленным, телевидение и кино мешают, пресса плохо пропагандирует и т. д. Во всем этом есть доля правды, но истина все же в другом. В том, что усилия театров зачастую направлены не в ту сторону. Ведь настоящий театр, который тебя внутренне обогащает, помогает познавать людей, жизнь, наводит на размышления, заставляет переживать, волноваться — такой театр ничем не заменишь!

Преимуществом театра является живое взаимодействие актера со зрителем, их сотворчество. Но все ли делает актер, чтобы, встречаясь со зрителем, заражать его страстностью, интеллектуальностью своего искусства? Нет ли тенденции к скущину, к лезинтересованию повторению роли, которая прокручивается десятки раз, как избитый мотив шарманки? Может ли общение с «потухшим» актером стать праздником для тех, кто пришел в театр. В этом отношении я целиком согласен с заметкой Л. Рустовой «Пирозы без аллодисментов». Но вопрос нужно ставить, по-моему, шире.

Русский драматический театр имени С. Вургун стал терять зрителя примерно с сезона 1959—1960 г. В эти последние два сезона театр поставил ряд неплохих пьес: «Барабаша» А. Салинского, «Дамоклов меч» Назима Хикмета, из классического репертуара — «Чайку» А. П. Чехова и «Живой труп» Л. Н. Толстого. Зарубежная драматургия была представлена пьесами: «Остров Афродиты» Алексиса Паряиса, «Живой портрет» Моретто. Были и новинки — «Взрыв» Дворецкого, «Иркутская история» Арбузова, «Океан» — Штейна и др. Эти пьесы, насыщенные большими мыслями, хорошими идеями, по-разному говорят о чем-то нужном и полезном.

Но разве отражают нашу кипучую сегодняшнюю жизнь, раскрывают цельные, могучие характеры наших современников такие спектакли, как «Весенние скрипки», «Такая любовь», «Верю в тебя», «Любовь, директор и квартира», «И один в поле воин» и ряд других? Конечно, нет! Их единственная цель — поведанными или детективными приемами привлечь зрителей в театр.

Вспомнишь многие спектакли — и, невольно кажется, что все они очень похожи друг на друга. Один мой секскурсик, посмотрев спектакль «Верю в тебя», заявил: лучше в кино бы сходил — и дешевле, и удовольствия больше! Театр не привлек его, а наоборот разочаровал, я таких, как он, сотни.

Чтобы спектакль увлекал и доставлял наслаждение, он должен быть художественно завершенным. Почему, например, «Иркутская история» Арбузова, так быстро сошла у нас со сцены? А ведь это лучшая пьеса советской драматургии. Да потому, что спектакль, в общем как будто и неплохой, имел уйму недоделок, с которыми сам театр привык мириться, а зритель мириться не хочет. Неправильное понимание роли хора, неумение найти для него верный образ в спектакле «Иркутская история» вымывали в зрительном зале смех, неудовольствие.

Главная героиня спектакля — Валька — в исполнении артистки Гинзбург мне напомнила не русскую девушку, которая работала на стройке — в магазине на вискитаторе, а скорее французешку из

окрестностей Парижа. Уж слишком она театральна. Деталь? Да, деталь, но из таких деталей строится характер, создается спектакль.

Слишком часто еще приходится видеть на сцене произведения с явными следами художественной незавершенности, сделанных наспех. Такие спектакли, как говорится, «смотрятся», отдельные сцены запоминаются, а приглядишься — и увидишь грубые швы, фильш и неестественность, которые разбивают впечатление, а порой просто раздражают. Вот и получается, как с моим сослуживцем: посмотреть спектакль — посмотреть, а полюбить — не полюбить.

Малохудожественным спектаклем оказался и «Взрыв» Дворецкого. Печать отмечала его положительно, но зритель точнее сказал свое слово — спектакль прошел всего десять — двенадцать раз и был снят.

Нарушают художественную цельность спектакля и «скоропостижные» входы «Барабаша». Получился он живым, эмоциональным, интересным — в этом заслуга режиссера-постановщика Г. Гюляхмеховой-Мартыновой. Шел он почти ежедневно по 27—28 раз в месяц. За два-три месяца в нем было сделано чуть ли не десять входов (!). А что можно ожидать от актера, который пошел в спектакль с одной-двух репетиций? Можно ли тут говорить об искусстве? Нет — это ремесло!

Недоумение вызвала и показанная вслед за «Барабашей»

пьеса «И один в поле воин» Дольд-Михайлика. Для чего обратился театр к этой малохудожественной пьесе — легковесному, дешевому детективу? Видимо, рассчитывал на ее «кассовость»? Но, спекулируя на популярном названии, театр думает не об интересах зрителя, а в первую очередь о себе. Зачем же тогда обижаться на публику, которая, посмотрев подобную пьесу, потеряла доверие к театру? В то же время в репертуаре театра почти нет русской классики, шедевров мировой драматургии.

Своим репертуаром, а подчас и качеством спектаклей театр не отвечает требованиям сегодняшнего дня, тому высокому общественному назначению, которое придает театру наша Коммунистическая партия.

Бакинский зритель любит театральное искусство, тянется к нему. Яркое свидетельство этому — приезд в наш город гастролеров, спектакли которых проходят на аншлагах. Не зрителя надо винить, если в какие-то моменты начинают пустовать театральные залы. Театр должен сделать все, чтобы стать необходимым зрителю, стать частью его интеллектуальной жизни. А для этого он должен быть строгим и взыскательным — взыскательным к самому себе.

З. АЛНОВА,
студентка АГУ.